

А мальчишки там очень злые — в пруду котеночка утопили.
Мне стыдно — я испугался — отобрать его не попытался.
А наавтра в саду, возле шкафчика (у меня был грибок на дверце),
Я сел разуваться на лавочку и вдруг заболело сердце...
Шестьдесят мне — старому перцу, но лед времени видно тонок.
И когда заболит сердце — вспоминается тот котенок.

* * *

Ночью точно мне снилось что-то,
А иначе — зачем я плакал?
Может, зори аэропортов,
Может, пыль и соль Мангышлака,
Может, степь, что корежит громом,
Уходящая ввысь ракета,
Может, просто — что нету дома
С черной лентой в углу портрета.
Нет, приснилось мне точно что-то:
Вот — подушка совсем сырая.
Видно, я увидел кого-то,
Без кого теперь доживаю
Эту жизнь, что любви длиннее
И, уж точно, длиннее дружбы.
Почему нас покинуть смеют
Те, кому уходить не нужно?

г. Воронеж

Филипп Пираев

* * *

Все меньше говорю, чем дольше наблюдаю.
Вот женщина идет, вся кротость и покой.
Когда-то сумки ей носил сынишка-даун —
ходячий колобок, улыбчивый такой.

В трагедиях людских соображая мало,
Несчастный паренек светился оттого,
что сердцем понимал: измученная мама
советам вопреки не бросила его.

Теперь она одна, оставленная сыном
(такие никогда подолгу не живут).
Но там, на небесах, он стройным стал и сильным,
женился и на пять окончил институт.

И чем тут утешать, чего желать иного,
ужель превозносить не ждущую похвал?

И вроде, мог сказать за столько лет хоть слово,
да всякий раз бревном при встрече застывал.

Гляжу в ее глаза, а в мыслях: мать честная! —
с такими не сравнить и райскую зарю.
Я знаю, знаешь ты, что я все понимаю,
и полной немотой за все благодарю.

* * *

А может, это просто павший лист,
и нет в нем ни печали, ни намека,
и дух, как прежде, молод и плечист,
а впереди прекрасное далеко,
и можно рассыпать горстями дни,
себя не оправдавшие строкою,
и засыпать с намереньем одним,
а просыпаться, так и быть, с другою...

Но только — будто некий лиходей
за счастье бытия утроил плату —
в победном шаге выросших детей
слышней memento mori циферблата;
но только именная звезда
целует все бессонней и прощальней,
и, уплывая в зимы, поезда
привычных не курлычат обещаний.

Хлебнувшим нигилизма и разлук,
познавшим, как всеильны ржа и плесень,
не в то ль нам остается верить, друг,
что души вековечней наших песен;
что, в шифрах лиц продумав каждый штрих
и публикуя на ладонях знаки,
о новых встречах в небесах иных
глаголет архитектор Зодиака;

что для того сплетает листопад
мосты, фонтаны и тот самый дворик,
чтоб все простилось тем, кто виноват,
и не судили те, кто был нам дорог;
что, отстегнув полтинник серебром,
негоже ждать от жизни медной сдачи?..
а мир стоит любовью и добром,
растущими, как числа Фибоначчи.

*Республика Татарстан,
г. Казань*

Нина Турицына

МНЕ ЖАЛЬ

Я не знаю, как жить в этой чудной стране.
Не наставили, видно, ни школа, ни вуз.
Вы за мудростью? Это, увы, не ко мне.
Нету мудрых советов. Такой вот конфуз.

Кто там хочет обратно в Советский Союз,
Вспоминая мороженое эскимо?
Это, знаешь, всего лишь по юности грусть
И по первой любви, что минула давно.

Кто мечтал, кто так верил, что свет победит,
Кто хотел не свой дом, а весь мир улучшить,
Тот оставил так быстро — уже к тридцати —
Эти пылкие планы. И мне его жаль,

И я плачу давно уже не над собой —
Поздно плакать, когда завершается жизнь,
Но как горько мне думать, что тот, молодой,
Слишком рано позволил себе отступить.

г. Уфа

Евгений Харитонов

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Снова дед ноздрями втянет
Поутру горелый запах.
То с востока выстрел грянет,
То снаряд запустит запад.

Дед меж ними в серой зоне.
Осмотрев с пригорка веси,
На ближайшем терриконе
Знамя красное повесил.

Будто этим крикнул разом
И на русском и на мове,
Недвусмысленную фразу:
«Вы одной, ребята, крови!»

И побрел обратно в сенцы,
Приподняв рубахи ворот.
Наблюдая с болью в сердце,
Как сцепились серп и молот.

НАД ПРОПАСТЬЮ

«Стареет тело, не душа», —
Так часто слышал я от многих,
Кто над могилой, чуть дыша,
Сидел, устало свесив ноги.

Но не понять, пожалуй, мне,
Что их сдержало от падения.
Возможно, жар костра на дне,
А может, Божье снисхождение.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Над деревнею закаты
Гасят кронами дубы.
Всюду брошенные хаты,
Словно Родины горбы.

Лишь в одной хатенке с краю
Из трубы идет дымок.
Будто в ней, уйдя из рая,
От людей укрылся Бог.

г. Белгород

Алексей Бондарев

ПТИЦЫ

Отпускаю я птиц, пусть летят себе вдаль.
Это птица-обида и птица-печаль,
Это черная зависть, гордыня и спесь.
Пусть резвятся на воле, но только не здесь.

Птицы жизнь отравляли мою словно яд.
Час настал, но они улетать не хотят,
Над моей головой продолжают кружить.
Понимают — без них не смогу я прожить.

КРЫЛЬЯ

— Мама, мама, скажи, для чего у нас крылья?
— Чтобы плавать, сынок, и за рыбкой нырять.
— Мама, там альбатросы над морем кружили.
Я хочу точно так же по небу летать!

— Эх, малыш, не мечтай. Мы всего лишь пингины.
В небе нам не дано совершать виражи.
Но зато у нас черные сильные спины,
И мы так грациозно по снегу бежим!

Оставались сомненья, теснились вопросы.
И в нем вызрел поступок — не детский каприз.
Он забрался повыше и спрыгнул с утеса,
Распластав свои крылья, стремительно вниз.

Не волнуйтесь, в живых пингвиенок остался.
Он нырнул в глубину и уже на воде,
Но отныне с мечтою не может расстаться
И все смотрит на птиц в голубой высоте.

г. Воронеж

Виталий Чернявский

* * *

Для чего-то я все-таки выжил
На чудовищной этой войне.
И из дома разбитого вышел,
И пошел по убитой весне.
Далеко убегала дорога,
Извиваясь гремучей змеей.
Мир как образ крутого отрога,
Где расстался я с дружной семьей.
Я ведь мог напоротся на мину,
Как в последнем альбоме пел Цой.
Мне могли просто выстрелить в спину
Или в грустное плюнуть лицо.
Но меня ничего не пугало,
Я ступал по сгоревшим шнурам.
Где-то вспышка упорно мигала,
По пустынным гуляя дворам.
Я в то утро доверился Богу,
И на улице было свежо.
Я старался не сеять тревогу
И понять, кто здесь свой, кто чужой.
Изнутри окончательно выжжен,
Я у храма стою в тишине.
Для чего-то я все-таки выжил
На чудовищной этой войне.

* * *

Чужой человек заменит мне брата,
Чужой человек мне заменит отца,
А близкий теперь *persona non grata*,
Лишившийся сердца, души и лица.

Чужой человек предложит мне хлеба,
Чужой человек мне предложит воды,

А близкий коптит бескрайнее небо,
Не видя масштабов нежданной беды.

Чужой человек предложит одежду,
Чужой человек мне предложит приют,
А близкий убьет любую надежду,
В ковчеге его не хватает кают.

Чужой человек прибавит мне силы,
Чтоб мог я родимую землю вращать,
Чтоб не был я слеп, как ангел бескрылый,
Учился молиться, любить и прощать.

г. Москва

Ирина Васильева

* * *

Люблю я тихий час рассвета,
В нем таинство рожденья дня,
Когда, прохладой приодета,
В молочной неге спит земля.

Когда суровые дубравы
Сон безмятежный стерегут,
И воздух свеж, и пахнут травы,
И чистой гладью вышит пруд.

Но вдруг безудержным потоком
В пространство глубины ночной
Вольется с горного Востока
Свет, заполняя все собой.

И небеса целуют землю
Устами алыми зари.
И кажется, весь мир объемлют
Крыла божественной любви.

* * *

Гном помнит каждый уголок,
Где звезды прячутся в ладошке.
Он знает, как лесной цветок
К утру дрожит на тонкой ножке,
Как загорается роса
От спички солнечного света.
В каморке на его часах
И днем, и ночью время — лето.

Гном так живет который год —
Смешной колпак, перо в кармане.
Его приятель — рыжий кот,
В полоску хвост, усы в сметане,
Свернувшись у печи в клубок,
Мурлычет гному колыбели.
А с крыши смелый паучок
Из нитей ловко тклет качели.

Сверчки стрекочут: «Спать пора!»,
И в гнездах умолкают птицы.
Лишь спать хранителю добра
В ночи по рангу не годится.
И пряча бабочек в цветах,
Гном тихо бродит до рассвета.
В каморке на его часах
И днем, и ночью время — лето.

* * *

Не моя — моя вина.
Не мое — мое вранье.
То не ночь стоит темна,
Налетело воронье.
Прокричал вдали петух,
Разнеслась молва-река,
И последний свет потух,
Почернели облака.
И теперь моя вина,
И вранье — мое вранье,
Неродная сторона,
Незавидное житье.
Рубят правду на дрова,
Щепки острые летят.
А слова, слова, слова...
Не сгорают, но коптят.

* * *

Не заблудиться бы в словах,
Не потеряться в суете.
Пусть счастье не в моих руках —
Оно в тебе, оно во мне.
Когда нам нечего делить,
Прошу, хоть раз — не прекословь.
Невероятность просто быть
Я умножаю на любовь.

Я умножаю грусть на свет,
На радость — мыслей звездопад.

Я превращаю пропасть лет
В цветущий первозданный сад,
И потаенные мечты
Надеждой прорастают вновь.
Желанье чистой красоты
Я умножаю на любовь.

Подобно птице в небесах,
Освобожденной от тревог,
Я отражусь в твоих глазах
На перекрестке двух дорог.
Где больше нечего делить...
Прошу, хоть раз — не прекословь.
Необходимость просто быть
Я умножаю на любовь.

г. Воронеж